

УДК-321.64

DOI: 10.17072/2218-1067-2020-4-98-106

МАССОВАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ И УСТУПЧИВОСТЬ АВТОРИТАРНЫХ РЕЖИМОВ: ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Андрей Семенов

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Аннотация

Почему одни авторитарные режимы в большей степени склонны идти на уступки массовым движениям, нежели другие? В данной статье на основе достижений институциональной теории автократий постулируется, что институционализированные режимы должны быть в большей степени предрасположены к уступкам, чем режимы без партий и избираемых парламентов, поскольку институты обеспечивают возможность для переговоров и представительства интересов массовых движений, а диктаторы в них имеют больше оснований для опасения относительно возможного альянса представителей элит и масс. Используя базу данных NAVCO, типологию Барбары Геддес и индикаторы институционализированности автократий, автор проверяет гипотезы о связи институтов и уступок на глобальной выборке авторитарных режимов с 1946 по 2010 гг. Результаты статистического моделирования не подтверждают выдвинутых гипотез и в целом демонстрируют, что серьезных различий между типами авторитарных режимов относительно уступчивости требованиям массовых движений нет; более того, институционализированные автократии несколько менее склонны к удовлетворению требований, чем диктатуры без избираемых парламентов и независимых оппозиционных партий. Данная эмпирическая закономерность указывает на ряд интересных вопросов для последующих исследований в области связей между институтами и динамикой мобилизации в авторитарных режимах.

Ключевые слова: массовая мобилизация; коллективные действия; авторитарные режимы; институциональная теория; общественные кампании; диктатуры; политический институты.

В августе 2020 г. в республике Беларусь прошли выборы, после которых Александр Лукашенко, инкумбент с 1994 г., заявил о поддержке 80% избирателей. Ответом на объявленные результаты стала самая массовая и продолжительная мобилизация белорусов за весь период правления «последнего диктатора Европы»: в отдельные дни августа-сентября численность протестующих в Минске достигала 200 тыс. чел. Однако, несмотря на мощное общественное давление, Лукашенко по состоянию на конец сентября (спустя почти два месяца противостояния) не пошел даже на символические уступки протестующим: в стране продолжают задержания участников мирных акций, а силовики удерживают в заключении как представителей оппозиции, так и простых граждан. Объявленная Лукашенко конституционная реформа никак не затрагивает основные требования протестующих. В другой европейской автократии – путинской России – в 2011–2012 гг. также наблюдалась широкая общественная мобилизация по результатам выборов в Государственную думу. В ответ на кампанию «За честные выборы!» уходящий президент Дмитрий Медведев вернул выборы глав исполнительной власти регионов и значительно либерализовал законодательство в части регулирования деятельности политических партий.

Эти два примера хорошо иллюстрируют основной вопрос данной статьи: почему одни автократии с большей вероятностью идут на уступки массовым движениям, а другие нет? Конвенциональное представление об авторитарных режимах заключается в том, что наиболее естественной формой реакции последних на массовые вызовы со стороны общества является подавление и репрессии. Эмпирически этот тезис подтверждается как исследованиями отдельных случаев, так и количественными исследованиями, например, в базе данных «Ненасильственные и насильственные кампании» (Nonviolent and violent campaigns, NAVCO), которая охватывает 384 эпизода массовой мобилизации с численностью не менее 1 000 чел. с 1945 по 2013 гг., сильные репрессии сопровождают 90% наблюдений формата «страна – год», умеренные репрессии – 5%. В то же время, в ходе массовых кампаний, небольшие достижения и полноценные уступки не так уж и редки: согласно данным NAVCO, доля уступок, по сравнению с сохранением статус кво или провалом кампании, за все годы

наблюдений колеблется от 5 до 45% со средним значением в 25%. Иными словами, ежегодно каждая четвертая массовая кампания встречает те или иные уступки со стороны правительства.

В данной статье в рамках институциональной теории я развиваю тезис о том, что вероятность и размер уступок связаны со степенью институционализации (наличием legislatures и многопартийных выборов автократии). Ключевым отличием режима Лукашенко от режима Путина является опора последнего на квазидемократические институты, что могло определить вариацию в ответе на коллективные действия. Институционализированные автократии отличаются наличием площадок для переговоров между элитами и диктатором, которые решают проблему «достоверных обязательств» (*credible commitments*) между сторонами (Gandhi, 2008; Gandhi and Przeworski, 2007; Magaloni, 2008). В отсутствие таких площадок, диктатор в любой момент может пренебречь интересами правящей коалиции. Кроме того, наличие партий и других формальных организаций, пусть и зависимых от диктатора, создает имплицитную угрозу альянса элит с протестующими, что, в свою очередь, может определять большую уступчивость со стороны инкумбента требованиям массовой мобилизации. Я тестирую такую возможность на глобальной выборке автократий с 1945 по 2013 гг. Хотя анализ не позволяет подтвердить выдвинутую гипотезу о связи между вероятностью уступок и типе авторитарного режима, зафиксированный результат намечает дальнейшие пути развития исследовательской логики в этой сфере.

Институты в авторитарных режимах

Институциональный поворот в политической науке создал пространство для широких дебатов по поводу значения институтов в авторитарных режимах. Начиная с работ Барбары Геддес, которая связала продолжительность существования авторитарных режимов с их институциональными особенностями (Geddes, 2003), исследователи показали, каким образом институты могут обеспечивать «совместное осуществление власти» (*power-sharing*) и соблюдение обязательств между диктатором и элитами (Boix and Svolik, 2013, Gandhi, 2008, Magaloni, 2008). Однако ключевой новацией институциональной теории, с точки зрения основного вопроса данной статьи, стало положение о том, что диктаторы используют широкий спектр инструментов, помимо репрессий, для ответа на другой ключевой вызов их правлению – массовую мобилизацию (Svolik, 2012). В этой связи, Дженнифер Ганди демонстрирует, что legislatures используются авторитарными лидерами «в качестве контролируемого институционализированного канала, посредством которого внешние по отношению к режиму группы могут предъявлять требования, а инкумбенты – делать уступки, без необходимости прибегать к массовым протестам со стороны первых» (Gandhi, 2008: 181). Таким образом, институциональная теория авторитарных режимов предполагает вариацию в уступках в зависимости от институциональных особенностей автократий.

Какие институциональные характеристики и как могут быть они связаны с вероятностью тех или иных типов уступок? Как указывает Милан Шволик, автократии очень сильно различаются по своему устройству: даже сильно персонализированные диктатуры могут иметь те или иные институты согласования интересов в виде советов, тогда как партийные автократии составляют целый спектр режимов – от однопартийных коммунистических диктатур, наподобие СССР, до электоральных автократий с партией-гегемоном, наподобие Мексики периода правления Институциональной революционной партии (PRI).

Из основных институтов, которые могут служить форумами для переговоров по поводу уступок, можно выделить legislatures, партии и выборы. Все три так или иначе предполагают ту или иную степень массового участия граждан в политике, однако они могут по-разному канализировать общественное недовольство. Я полагаю, что наличие партий и парламентского представительства дает возможность гражданам и элитам вести переговоры с диктатором по поводу уступок. Я использую данные Антонио Чибуба и др. (Cheibub et al., 2010) о статусе legislatures в автократиях, которые разделяют их на «закрытые», «назначаемые» и «избираемые», и объединяю первые две категории в одну. Также я использую их данные о наличии партий, объединяя две категории в одну («беспартийный режим» и «одна/несколько партий, поддерживающие режим») против категории «многопартийный режим». Таким образом, первые две гипотезы формулируются следующим образом:

Гипотеза 1 (H1): В авторитарных режимах с избираемыми legislatures вероятность уступок массовым движениям выше, чем в режимах с назначаемыми/закрытыми парламентами.

Гипотеза 2 (H2): В авторитарных режимах с многопартийностью вероятность уступок массовым движениям выше, чем в режимах с прорежёнными партиями или их отсутствием.

Другим способом концептуализации институционального измерения является тип авторитарного режима. В современной литературе идут большие споры по поводу полезности классических типологий, например, их разделения на военные, партийные и персоналистские. Изначальный аргумент Геддес состоял в том, что разделение на эти типы основано на различных стимулах для элит поддерживать авторитарный порядок. Последующие работы указали на наличие персоналистского компонента практически в любой автократии, что затрудняет отнесение конкретной страны к тому или иному типу, однако в целом исследования показали полезность изначально разделения (Wright, 2019).

Я полагаю, что персоналистские режимы, концентрация власти в которых наиболее высока, в меньшей степени будут предрасположены уступить требованиям массовых кампаний. Партийные диктатуры, напротив, должны быть наиболее уступчивыми: во-первых, наличие институтов согласования интересов предоставляет возможность элитным группам, симпатизирующим требованиям массовой кампании, озвучивать свою позицию и предлагать варианты выхода из сложившейся ситуации. Во-вторых, само наличие институтов совместного осуществления власти указывает на относительный баланс сил между диктатором и правящей коалицией, что создает предпосылки для дезертирства элитных групп; превосходя ситуацию перерода элит на сторону протестующих, диктатор предпочтет (частичные) уступки расколу элит. Наконец, в институционализированных автократиях, как правило, допускается существование автономных организованных групп – основного переговорного рычага в период массовых выступлений. Таким образом, третья гипотеза исследования звучит следующим образом:

Гипотеза 3 (H3). В партийных автократиях вероятность уступок массовым движениям выше, чем в военных и персоналистских режимах.

В следующем разделе я описываю зависимую переменную, основную статистическую модель и результаты статистического тестирования гипотез.

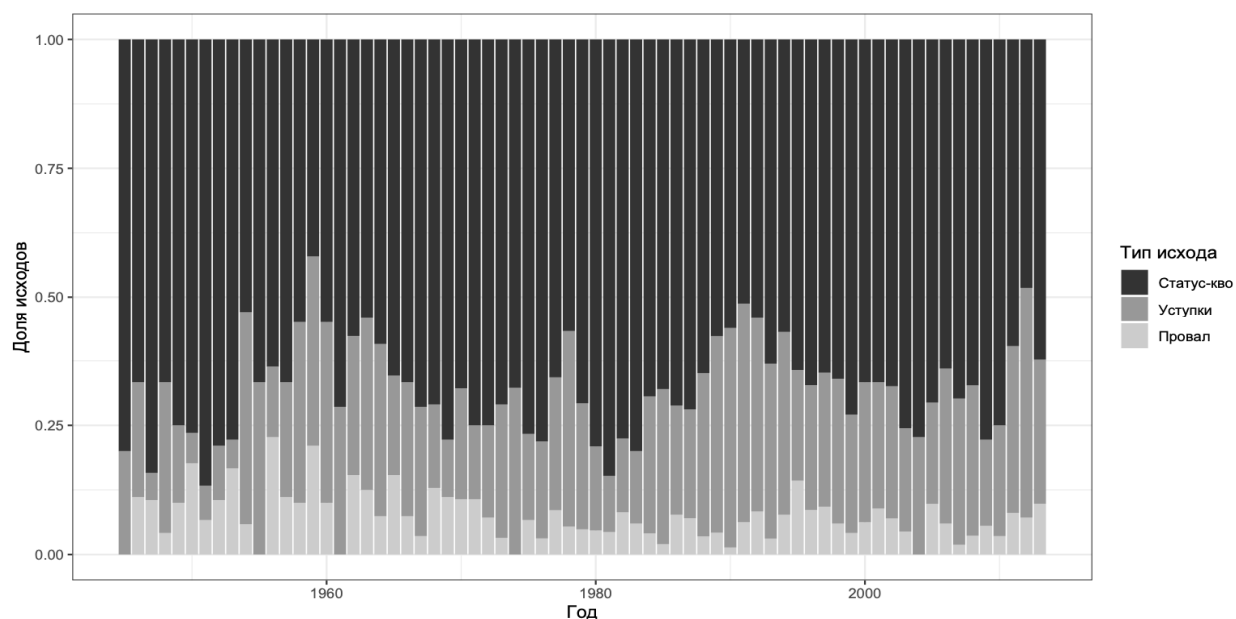
Массовые кампании в автократиях

Данные о ненасильственных кампаниях содержатся в базе NAVCO, разработанной Эрикой Ченовец и Кристофером Шай (Chenoweth and Shay, 2019). Последняя версия (2.1) содержит информацию о 384 кампаниях с периодом покрытия 1945–2013 гг. (2 717 наблюдений в формате «кампания-год»). Кампании определяются как «серия наблюдаемых, связанных, целенаправленных массовых действий или событий с политическими задачами» (Chenoweth and Shay, 2019: 3). При этом действия должны носить внеинституциональный характер (тем самым исключаются избирательные кампании), количество участников должно быть не меньше 1 000 чел., а цели – «максималистскими», то есть связанными со свержением режима, борьбой с иностранной оккупацией или самоопределением.

Большинство кампаний (45%) преследовало цель – свержение режима, другие 29% – сецессию, 13,5% – борьбу с оккупационным режимом, 7% – предоставление большей автономии. 3 и 2% кампаний были связаны с требованиями смены политических курсов или значительными институциональными реформами. Большая часть наблюдений (81%) носили преимущественно ненасильственный характер, который определялся через использование тактических инструментов, не представляющих физической угрозы для оппонентов, в оставшиеся 19% наблюдений были задействованы насильственные средства. Самая длительная непрерывная кампания (борьба этнических групп в Бирме/Мьянме за автономию) насчитывает 66 лет. Половина кампаний по оценкам создателей базы данных относительно невелика по численности: лишь 2% насчитывают более 1 млн участников в год, 7% – сотни тысяч, 33% – десятки тысяч. Таким образом, NAVCO охватывает достаточно широкий спектр эпизодов массовой мобилизации, достаточно хорошо и надежно задокументированных, чтобы проводить количественный анализ.

С точки зрения уступок, последняя версия NAVCO содержит информацию о шести возможных исходах («прогрессе») в каждый год кампании: статус-кво (без значимых достижений); видимые достижения, но без уступок; ограниченные уступки; значительные уступки; успех и провал кампании. Общее распределение выглядит следующим образом: в подавляющем большинстве случаев (1 818, или 67%) наблюдается статус-кво в отношениях между режимом и мобилизованными гражданами; в 8% случаев – видимые достижения без уступок; в 8% – значительные уступки; по 5% приходится на ограниченные уступки и полный успех. Провал кампании наблюдался в 7% наблюдений. Таким образом, совокупно на те или иные виды уступок приходится порядка 18% наблюдений. Динамика соотношения исходов кампаний в каждый год наблюдения представлена на рисунке, который

отражает значительную вариацию их соотношения между собой. Из графика видно, что после окончания «холодной войны» доля уступок возросла.

Динамика доли исходов массовых кампаний в автократиях (1945–2013 гг.). Данные: NAVCO 2.1

Частотный анализ по типам режимов согласно Геддес, представленный в табл. 1, демонстрирует, что, во-первых, преобладающим исходом является статус-кво: он встречается в 65% наблюдений. Те или иные формы уступок встречаются совокупно в 18% случаев, провал или незначительные достижения – в 8%. Во-вторых, доля исходов по каждому из типов режима свидетельствует, скорее, против моей ключевой гипотезы: имея примерно одинаковый процент провалов с партийными, кампании в персоналистских режимах обладают несколько большей вероятностью значительных уступок и полного успеха, но меньшей вероятностью ограниченных уступок и видимых достижений. Более того, у кампании в монархиях и военных режимах большая вероятность полного успеха, чем в партийных.

Таблица 1

Распределение исходов массовых кампаний в зависимости от типа режима (в абсолютных цифрах и процентах от общего числа). Данные: NAVCO 2.1, GWF

Тип режима	Статус-кво	Достижения	Ограниченные уступки	Значительные уступки	Успех кампании	Провал кампании	Всего
Военный	163	23	12	25	19	15	257
% от общего	14,98 %	2,11 %	1,10 %	2,30 %	1,75 %	1,38 %	23,62 %
% от своего типа	63,42 %	8,95 %	4,67 %	9,73 %	7,39 %	5,84 %	
Монархия	36	4	2	2	5	5	54
% от общего	3,31 %	0,37 %	0,18 %	0,18 %	0,46 %	0,46 %	4,96 %
% от своего типа	66,67 %	7,41 %	3,70 %	3,70 %	9,26 %	9,26 %	
Олигархия	18	0	2	5	1	1	27
% от общего	1,65 %	0,00 %	0,18 %	0,46 %	0,09 %	0,09 %	2,48 %

Окончание табл. 1

Тип режима	Статус-кво	Достижения	Ограниченные уступки	Значительные уступки	Успех кампании	Провал кампании	Всего
% от своего типа	66,67 %	0,00 %	7,41 %	18,52 %	3,70 %	3,70 %	
Партийный	248	39	25	21	21	33	387
% от общего	22,79 %	3,58 %	2,30 %	1,93 %	1,93 %	3,03 %	35,57 %
% от своего типа	64,08 %	10,08 %	6,46 %	5,43 %	5,43 %	8,53 %	
Персоналистский	239	26	18	24	24	32	363
% от общего	21,97 %	2,39 %	1,65 %	2,21 %	2,21 %	2,94 %	33,36 %
% от своего типа	65,84 %	7,16 %	4,96 %	6,61 %	6,61 %	8,82 %	
Всего	704	92	59	77	70	86	1088
	65 %	8 %	5 %	7 %	6 %	8 %	100 %

Таблица 2 показывает распределение исходов в зависимости от наличия / отсутствия избираемых legislatures и многопартийности. Несмотря на более чем 200 дополнительных наблюдений, общее распределение исходов не сильно изменилось: по-прежнему наиболее частым является сохранение статус-кво (67%), доля уступок составляет около 18%, однако вопреки теоретическим ожиданиями, автократии с избираемыми legislatures в меньшей степени готовы идти на значительные уступки (6.6 против 10.7%), равно как и многопартийные режимы (6 против 10.6% в беспартийных). Совокупно доля уступок институционализированных автократий составляет 17.1% для операционализации с legislatures (против 24%) и 15.2% для многопартийных режимов (против 25.6%).

Таблица 2

Распределение исходов массовых кампаний в зависимости от типа наличия избираемых legislatures и многопартийности (в абсолютных цифрах и процентах от общего числа). Данные: NAVCO 2.1, PACL

Тип режима	Статус-кво	Достижения	Ограниченные уступки	Значительные уступки	Успех кампании	Провал кампании	Всего
Без legislatures	198	23	17	33	24	14	309
% от общего	15,2 %	1,8 %	1,3 %	2,5 %	1,8 %	1,1 %	23,7 %
% от своего типа	64,1 %	7,4 %	5,5 %	10,7 %	7,8 %	4,5 %	
Избираемые legislatures	679	82	55	66	50	62	994
% от общего	52,1 %	6,3 %	4,2 %	5,1 %	3,8 %	4,8 %	76,3 %
% от своего типа	68,3 %	8,2 %	5,5 %	6,6 %	5,0 %	6,2 %	
Без партий	259	47	28	48	40	30	452
% от общего	19,9 %	3,6 %	2,1 %	3,7 %	3,1 %	2,3 %	34,7 %

Окончание табл. 2

Тип режима	Статус-кво	Достижения	Ограниченные уступки	Значительные уступки	Успех кампании	Провал кампании	Всего
% от своего типа	57,3 %	10,4 %	6,2 %	10,6 %	8,8 %	6,6 %	
Многopартийные	618	58	44	51	34	46	851
% от общего	47,4 %	4,5 %	3,4 %	3,9 %	2,6 %	3,5 %	65,3 %
% от своего типа	72,6 %	6,8 %	5,2 %	6,0 %	4,0 %	5,4 %	
Всего	877	105	72	99	74	76	1303
	67,3 %	8,1 %	5,5 %	7,6 %	5,7 %	5,8 %	

Поскольку основная зависимая переменная в анализе – степень уступок, которая принимает значения от 0 (статус-кво) до 4 (полный успех), для формального тестирования гипотез я использую пробит-регрессию с робастными стандартными ошибками, кластеризованными на уровне кампании. В связи с гетерогенностью в характере кампаний я использую переменную «Цели», которая принимает следующие значения: смена режима, существенные институциональные реформы, изменения в политическом курсе, требования сецессии, автономии или антиокупационные цели. За базовую была принята категория «смена режима» с ожиданием, что сецессионистские и автономистские движения в меньшей степени будут добиваться уступок. Поскольку уступки могут иметь кумулятивный характер, я использую бинарный индикатор их наличия в предыдущий год. Наконец, как было указано выше, период «холодной войны» характеризовался меньшей вероятностью уступок, поэтому я также контролирую на этот период с помощью бинарного индикатора.

Модель 1 в табл. 3 демонстрирует, что существенной разницы между типами режимов по Геддес, с точки зрения уступок, не наблюдается. Базовой категорией в анализе выступают персоналистские режимы; положительный коэффициент у военных и партийных автократий указывает на большую вероятность получения того или иного вида уступок по сравнению с базовой категорией, однако статистическая значимость у этих эффектов отсутствует. Модели 2 и 3 также показывают, что автократии с избираемыми парламентами и многopартийностью, если и отличаются по частоте уступок от режимов с полностью контролируруемыми legislатурами и партиями, то в сторону меньшей вероятности (что следовало и из дескриптивного анализа выше), хотя коэффициенты остаются незначимыми на уровне $\alpha = 0.05$.

Ожидаемые коэффициенты у контрольных переменных добавляют уверенности в надежности полученных результатов: кампании с требованиями институциональных реформ встречают больше уступок по сравнению с кампаниями по смене режима, а сецессионистские и автономистские движения – меньше. Лаг зависимой переменной статистически значим и указывает на временную зависимость в динамике уступок. Наконец, индикатор «холодной войны» подтверждает, что в среднем в период до конца геополитического противостояния США и СССР авторитарные режимы были в меньшей степени уступчивыми. Альтернативная спецификация модели с бинарным индикатором уступок дает схожие результаты с основной идентификационной стратегией. Таким образом, проведенное статистическое моделирование не позволяет подтвердить основные гипотезы исследования.

Заключение

Проведенный анализ показал, что вопреки ожиданиям институциональной теории, согласно которой наличие институтов в авторитарных режимах должно быть сопряжено с большей вероятностью уступок, эмпирические регулярности во взаимодействиях диктаторов с массовыми кампаниями, скорее, говорят об обратном. Партийные диктатуры не являются более уступчивыми по сравнению с персоналистскими режимами, а среди всех типов военные автократии оказываются наиболее восприимчивыми к требованиям общественных кампаний. Более того, наличие избираемых legislатур и многopартийности, если и связано с уступками, то противоположным теории образом: менее институционализированные диктатуры оказываются более уступчивыми.

Наблюдаемые эмпирические закономерности ставят целый ряд интересных вопросов для последующих исследований в данной области. В первую очередь, интерес представляет более сфокусированный анализ характера массовых кампаний в различных типах авторитарных режимов: в силу относительной закрытости персоналистских диктатур по сравнению с партийными, в первых массовое недовольство может принимать более острые формы, что в том числе может оказывать влияние на вероятность и размер уступок. Выборы и партии в институционализированных автократиях представляют собой, если не альтернативный, то доступный канал предъявления требований; таким образом, уступки в них могут носить более незаметный и инкрементальный характер – в первую очередь, в ответ на изменения в электоральных предпочтениях и представительстве.

Другим объяснением наблюдаемой закономерности может быть положение о большей устойчивости институционализированных автократий (Gandhi, 2008, Svoboda, 2012): диктаторы и элиты в таких режимах в большей степени информированы о распределении массовых предпочтений, а также владеют широким набором других инструментов согласования интересов, что может придавать им большую уверенность перед лицом массовых вызовов. Персоналистские диктатуры, в свою очередь, будучи более уязвимыми стратегически к массовым вызовам, могут пытаться превентивно отвечать на них с помощью уступок. В подобной же логике может быть объяснена уступчивость военных режимов.

Несмотря на то, что заявленная теория не подтвердилась, исследования в области взаимодействия диктатур с массовыми движениями представляют дальнейший интерес для политической науки: массовые движения все чаще встречаются в автократиях, более того, конец «холодной войны», транснационализация и развитие сети Интернет усилили способность движений координировать коллективные действия и добиваться своего. Диктаторы, в свою очередь, также учатся действовать превентивно, в том числе – с оглядкой на успешные случаи массовой мобилизации. Моделирование динамики обучения, таким образом, также становится частью исследовательской повестки.

Таблица 3

**Результаты пробит-регрессии с робастными стандартными ошибками,
кластеризованными на уровне кампании**

	Модель 1	Модель 2	Модель 3
Монархия	-0.027	–	–
	(0.250)	–	–
Партийный режим	0.044	–	–
	(0.148)	–	–
Военный режим	0.174	–	–
	(0.159)	–	–
Избираемый парламент	–	-0.116	–
	–	(0.112)	–
Многопартийность	–	–	-0.181
	–	–	(0.120)
Институциональные реформы	0.080	0.755***	0.734***
	(0.341)	(0.246)	(0.244)
Изменения курса	-0.059	0.221	0.193

Окончание табл. 3

	Модель 1	Модель 2	Модель 3
	(0.183)	(0.186)	(0.182)
Сецессия	-0.925***	-0.798***	-0.747***
	(0.179)	(0.174)	(0.183)
Автономизация	-0.320**	-0.433***	-0.425***
	(0.188)	(0.165)	(0.169)
Антиоккупационное движение	0.034	-0.165	-0.220
	(0.176)	(0.258)	(0.266)
Лаг зависимой переменной	0.700***	0.862***	0.861***
	(0.096)	(0.104)	(0.104)
Холодная война	-0.243***	-0.208**	-0.215***
	(0.112)	(0.092)	(0.092)
Остатки	1877.95	2151.572	2148.644
AIC	1905.95	2175.572	2172.644
Количество наблюдений	1,024	1,225	1,225
Обозначения:	* p<0.1; ** p<0.05; *** p<0.01		

Финансовая поддержка

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 19-011-00430 А «Экономическое неблагополучие и политическая подотчётность в электоральных автократиях».

Библиографический список

- Boix, C., Svobik, M. W. (2013) 'The foundations of limited authoritarian government: Institutions, commitment, and power-sharing in dictatorships.' *The Journal of Politics*, 75(2), pp. 300–316.
- Chenoweth, E., Shay C. (2019) *Violent and Non-Violent Campaigns Database (NAVCO)*, Version 2.1.
- Cheibub, J. A., Gandhi, J. and Vreeland, J. R. (2010) 'Democracy and dictatorship revisited', *Public choice*, 143(1–2), pp. 67–101.
- Gandhi, J. (2008) *Political Institutions under Dictatorship*. Cambridge, UK: Cambridge.
- Gandhi, J. and Przeworski, A. (2007) 'Authoritarian institutions and the survival of autocrats', *Comparative political studies*, 40(11), pp. 1279–1301.
- Geddes, B. (2003) *Paradigms and Sand Castles: Theory Building and Research Design in Comparative Politics*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Geddes, B., Wright, J. G., Wright, J., & Frantz, E. (2018) *How dictatorships work: Power, personalization, and collapse*. Cambridge University Press.
- Magaloni, B. (2008) 'Credible power-sharing and the longevity of authoritarian rule', *Comparative Political Studies*, 41(4–5), pp. 715–741.
- Svobik, M. W. (2012) *The politics of authoritarian rule*. Cambridge University Press.
- Wright, J. (2017) 'The latent characteristics that structure autocratic rule'. *Political Science Research and Methods*, pp. 1–19.

Информация об авторе

Семёнов Андрей Владимирович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра сравнительных исторических и политических исследований, доцент кафедры политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет. E-mail: andreysenov@comparativestudies.ru (ORCID: 0000-0002-5127-4314. ResearcherID: C-5027-2013).

Статья принята к печати: 30.10.2020

MASS MOBILIZATION AND AUTOCRATIC CONCESSIONS: AN EMPIRICAL STUDY

A. V. Semenov
Perm State University

Abstract

Why are some authoritarian regimes more inclined to make concessions to mass movements than others? In this article, based on the institutional theory of autocracies, I posit that institutionalized regimes should be more prone to concessions than regimes without parties and elected parliaments. This expectation is due to the capacity of the institutions to provide an opportunity for negotiation and representation of interests of mass movements, thus I expect the dictators in such regimes to bow more frequently to the demands of mass movements. Using the NAVCO database, the Barbara Geddes typology, and indicators of the institutionalization of autocracies, I test hypotheses about the relationship between institutions and concessions on a global sample of authoritarian regimes from 1946 to 2010. The results of statistical modeling do not confirm the hypotheses and, if anything, demonstrate that there are no serious differences between the types of authoritarian regimes regarding compliance with the demands of mass movements; moreover, the institutionalized autocracies are somewhat less inclined to satisfy the demand than dictatorships without elected parliaments and independent opposition parties. This empirical pattern points to a number of interesting questions for subsequent research on the links between institutions and the dynamics of mobilization in authoritarian regimes.

Keywords: mass mobilization; collective actions; authoritarian regimes; institutional theory; public campaigns; dictatorships; political institutions.